

ИСКУССТВО
РАЗВЕДКИ

ГВИДО КНОПП

**СУПЕР
ШПИОНЫ**

**ПРЕДАТЕЛИ ТАЙНОЙ
ВОЙНЫ**

Гвидо Кноп
Супершпионы.
Предатели тайной войны
Серия «Искусство разведки»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67930289

*Супершпионы. Предатели тайной войны / Г. Кноп: Родина; Москва;
2022*

ISBN 978-5-00180-691-2

Аннотация

Профессор Гвидо Кноп с 1984 года по 2010 год возглавлял редакцию современной истории Второго Немецкого Телевидения ZDF. Автор беседовал с еще живыми супершпионами «холодной войны», их коллегами и их противниками. Кем же были эти люди – актеры на сцене истории? Что побудило их предать свою страну? Книга состоит из шести очерков посвященных: полковнику советской внешней разведки Олегу Гордиевскому, атомному шпиону Клаусу Фуксу, знаменитому британскому разведчику Джорджу Блейку, спровоцировавшему крупнейший шпионский скандал в истории ФРГ Гюнтеру Гийому, одному из самых ценных агентов КГБ Джону Уокеру и сбежавшему на Запад сотруднику восточногерманской разведки Вернеру Штиллеру,

который сообщил об агентуре ГДР в Западной Германии, Франции, Австрии и США.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие. Тайна предателя	7
Двойной агент	15
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Гвидо Кноп Супершпионы.

Предатели тайной войны

В сотрудничестве с:

Петером Адлером, Лутцем Беккером, Кристианом Дайком, Ральфом Пеховиаком и Кристианой Руть

Документация: Урсула Неллессен и Андреа Тот

Guido Knopp

TOP SPIONE Verraeter im Geheimen Krieg

Wilhelm Goldmann Verlag, Muenchen 1997

ИЗДАТЕЛЬСТВО

РОДИНА

© Крючков В., пер. 2022

© ООО «Издательство Родина», 2022

Предисловие. Тайна предателя

Словарь второй древнейшей профессии полон захватывающих слов: внедрение, саботаж, предательство, дезинформация, двойные агенты, «подставы», мертвые почтовые ящики. Как никакая другая тема, полный тайн мир шпионажа вдохновляет фантазию писателей и авторов киносценариев. Легендарные герои Джона Ле Карре или зловещие противники Джеймса Бонда приковывали к себе внимание публики и потому, что во время «холодной войны» и атомного противостояния двух сверхдержав они пробуждали подсознательные чувства страха. Раскрытие некоторых знаменитых «настоящих» шпионских дел, казалось, подтвердило смертельную опасность, исходящую от агентов и «кротов». Единственная утечка в системе безопасности могла нарушить баланс взаимного устрашения, поставить под угрозу безопасность миллионов людей. Так думали тогда. Иногда так это и было. Вот что делало шпионаж таким угрожающим.

Со времени распада Восточного блока стали просматриваться контуры той таинственной «невидимой войны», которую всеми силами вели друг против друга сверхдержавы, прячась за ширмой ежедневной политики. «Холодная война» представляла собой идеальное поле действия для шпионов: почти все, что можно было узнать о политической, экономической и военной сфере другой стороны, было важ-

ным. Даже за малозначащие, побочные сведения разведцентры в Вашингтоне и Москве, в Лондоне, Восточном Берлине и Пуллахе под Мюнхеном были весьма благодарны. Но вот нынче и яркий мир «холодной войны» покоится на свалке истории. И лишь сейчас нам предоставляется шанс приоткрыть некоторые из самых свято оберегаемых в те годы тайн.

Шпионы занимаются своим сомнительным ремеслом, как правило, не во время погонь или шикарных приемов. Повседневный шпионаж обычно представляет собой рутину, пустую трату усилий и времени, бюрократию. Супермодель, соблазняющая шпиона, попадает в жизни, увы, крайне редко. Но тем не менее, реальность оказывается намного напряженней и захватывающей любой выдумки. Более угрожающими являются обстоятельства и фон событий, опаснее работа, а причины предательства куда неоднозначней, чем придумывают авторы романов. Это показывают отобранные мною дела.

Самыми значительными фигурами Тайной войны сверхдержав были мужчины самого разного склада. Незаметные или блистательные, вдумчивые или спонтанные, трезвые или переполненные эмоциями, они обладали чем-то общим – мужеством, чтобы совершить измену: атомный шпион Клаус Фукс, немецкий физик на службе США, раскрывший Советам тайну атомной бомбы; «крот» Джордж Блейк, агент на службе Ее Величества, выдавший КГБ всю сеть британской разведки в Восточной Европе; «канцлерский шпион» Гюн-

тер Гийом, разоблачение коего привело к отставке канцлера Вилли Брандта; перебежчик Вернер Штиллер, который после побега на Запад разоблачил десятки агентов разведки ГДР; торговец секретами Джон Уокер, два десятилетия продававший сверхсекретные шифры и коды американских вооруженных сил КГБ; двойной агент Олег Гордиевский, офицер резидентуры КГБ в Лондоне, передававший англичанам ценнейшие тайны.

В совокупности эти случаи точно показывают, что же такое был и есть шпионаж: циничная торговля людьми. Только один, атомный шпион Клаус Фукс, уже мертв. Остальные живы: в изгнании, на свободе, в тюрьме¹. Их дела давно закрыты. Именно поэтому стало возможно допросить самих шпионов в качестве свидетелей по их собственным делам. Только так можно реконструировать захватывающую историю предательства. И только так можно составить психограмму каждого отдельного шпиона. Именно по этим причинам я отказался, в частности, включить в эту книгу одно из самых больших последних шпионских дел – дело Олдрича Эймса. Тем не менее, этот выслеженный не так давно шпион КГБ на службе ЦРУ сыграл решающую роль в нашем деле Олега Гордиевского: Эймс дал Москве основную наводку. Один двойной агент предал другого.

Так же, как и характеры этих супершпионов, отличаются

¹ Книга вышла в 1994 году. В 1995 году умер Гюнтер Гийом – «канцлерский шпион» восточногерманской «Штази». (прим. пер.)

мотивы совершенного ими предательства. На вопрос, почему они стали шпионами, ответы были самые разные. Чистый идеализм так же приводил к смене фронтов, как и шантаж или простая жадность. Но они не только с готовностью занимались своим делом – в игре участвовала всегда и скрытая, подавленная страсть к двойной жизни, обману, камуфляжу.

Роль Иуды несет в себе соблазн. Нескрываемая гордость, с которой супершпионы после часто бесславного конца своей карьеры рассказывают о трюках и уловках, которыми они дуррачили противоположную сторону, очевидно, только еще одно доказательство их одиночества. Никто, даже среди самого близкого и доверенного окружения, не мог знать об их конспиративных успехах, никто не мог открыто выразить свою похвалу или признание. Единственным контактом со «своей» стороной обычно были только мертвые почтовые ящики и иногда короткие тайные встречи со связниками. Необходимость двойной игры, обмана даже самых лучших друзей измотала многих разведчиков.

Клаус Фукс, еще щадя себя, называл свое сомнительное положение «контролируемой шизофренией».

Джордж Блейк сегодня вовсе не сожалеет, что он выдал КГБ четыре сотни британских шпионов. Его печалит лишь то, что он не мог раскрыться перед своей женой и семьей. Брак распался.

Олег Гордиевский в одиночку сбежал из Москвы. Чтобы не подвергать опасности свою жену, он ничего не сказал ей

о своем плане. Но цена оказалась высокой: КГБ взял ее в заложницы.

Супершпионам следовало бы, видимо, лучше всего оставаться холостяками. По меньшей мере, автор, пусть после многих лет, видит немалый смысл в изоляции, избираемой самими шпионами.

Так как «дела» их уже принадлежат архивам истории, выдающиеся экс-агенты вовсе не всегда считают, что молчание – золото. Когда шпионы «в отставке» хотят говорить – они говорят, но чтобы разговорить их, нужно немало потрудиться, – все равно, идет ли речь о заключенном в тюрьме в Атланте или об эмигранте в Москве. Обет верности – кому? – тут уже ни при чем, кроме того, его уже никто не требует. Эти супермастера второй древнейшей профессии верны, в наивысшей степени, только одному – собственной тяге к обману, или, по меньшей мере, – к уловкам.

Описания карьеры великих предателей «холодной войны» – это одновременно истории о злоупотреблении чувствами и о фальшивых надеждах. Отношения агентов и ведущих оперативных офицеров часто напрочь лишены всяческих рыцарских аспектов, о которых порой врут читателям многие шпионские романы.

Большие разведки никогда не работают без «двойного дна». В них любят предательство, но не предателей. Самые видные супершпионы в конце своей карьеры – не более, чем инструменты, которыми пользуются, а после сделанной ра-

боты – выбрасывают без зазрения совести. Остаются огорченные ветераны – агенты, которые упорно ищут смысл в предательстве, совершенном ими. Как правило, после разоблачения они бесполезны для своих работодателей и представляют для них интерес лишь как потенциальные факторы риска для безопасности. Некоторые до смерти живут под страхом преследования. Другие, как Джон Уокер, получают за предательство своей страны пожизненное заключение. В лучшем случае экс-шпионов поселяют на удаленных виллах, засыпая орденами. Редко, как в случае Вернера Штиллера, им удается устроить свою вторую жизнь.

Что же остается? За что им можно ухватиться? В своих запоздалых оправданиях пенсионеры разведки все время, как молитву, повторяют, что их измена служила сохранению мира. А что им еще говорить? Естественно, их бои на «невидимом фронте» «холодной войны» можно рассматривать с двух сторон: они обостряли напряженность и иногда даже приводили к ней, но одновременно заботились о гласности и доверии, пусть по каналам конспирации.

Шпионаж, как мероприятие, способствующее доверию, как успокаивающее знание того, что противник вовсе не хочет напасть на тебя, но, напротив, сам тебя боится. Эта двойственность осталась и по окончании «холодной войны», что утешает и в нынешнее время. Секретные служб и в будущем останутся несущими столпами национальной безопасности, пусть даже с сокращенными бюджетами. Большие шпион-

ские аферы будут и позднее привлекать к себе внимание, как дела Фукса, Блейка, Уокера и других. Центр тяжести сместится: с военных «топ-секретов» – к экономическим. У атомной тайны, в конце концов, будет похищена ее «исключительность».

В любом случае, вторая древнейшая профессия в мире будет и дальше влачить свое (вредное?) существование. Она останется привлекательной, полной захватывающего напряжения и сложных, но блистательных фигур. Некоторые из этих «людей из тьмы» впервые в этой книге высказываются на темы секретов супершпионов: шефы КГБ Владимир Крючков, Леонид Шебаршин и Виктор Грушко; Маркус Вольф – руководитель внешней разведки ГДР, Гюнтер Кратч – шеф контрразведки ГДР, видные агенты и ведущие офицеры КГБ Павел Судоплатов, Евгений Питовранов, Вадим Гончаров и Сергей Кондрашов; агент ЦРУ Джо Эванс, Гериберт Хелленбройх, бывший шеф Федерального ведомства по защите конституции ФРГ и многие другие. Сэр Николас Эллиотт, легендарный экс-директор британской разведки МИ 6, дал для этой книги последнее интервью перед своей смертью.

Шпионские дела – всегда психологические драмы, а главные роли играют жены. Некоторые из них впервые рассказали нам для этой книги правду об их мужьях: бывшая супруга Вернера Штиллера Эржебет – и его бывшая любовница Хельга Михновски; Лейла Гордиевская, служившая КГБ

заложницей после бегства ее мужа; бывшая жена Джона Уокера Барбара, которая предала ФБР своего мужа – шпиона КГБ, обманывавшего ее, и, не подозревая об этом, выдала и своего собственного сына. Первыми жертвами наших супершпионов были их жены.

При создании этой книги мне помогали многие люди. Я благодарю своих сотрудников и коллег Петера Адлера, Ральфа Пеховиака и Лутца Беккера, доказавших свои творческие умения не только в документальном кино, но и за письменным столом; Кристиану Руль и Кристиана Дайка, помогавших мне написать истории о Гиойме и Фуксе; Нину Штайнхаузер и Ульриха Ленце, рассказавшего эти же истории в фильмах; Александра Роднянского, создавшего документальный телевизионный фильм об Олеге Гордиевском; Урсулу Неллессен и Андреу Тот, собравших документы для этой книги.

Итог предателей отрезвляет: шпионаж не оправдывает себя. Остаются раны, причиняющие боль себе и другим: разрушенные браки, разочаровывающее изгнание, часто мучительные воспоминания о людях, вину за смерть которых чувствуешь. Прошлое можно загнать в отдаленные уголки сознания, но совсем избавиться от него нельзя. В конце главной тайной предателя остается его скрытое горе. Для государств шпионаж может быть выгоден, для шпионов – не окупается никогда.

Гuido Кноп

Двойной агент

Первое впечатление таково: каким же незначительным выглядит этот человек. Широкое русское лицо, жидкие волосы, настороженные глаза, но никаких особых примет, врезающихся в память. Темный костюм, белая рубашка – не так ли незаметно нужно выглядеть удачливому шпиону? Второе впечатление – его недоверчивость. Из потертой спортивной сумки он вытаскивает в ходе нашей беседы термос с «русским кофе», то есть водкой с кофе, бутылку минеральной воды, три сэндвича с сыром. У нас он ничего не берет. Он нам не верит. Он хочет оставаться независимым, везде и в любой момент. Он все еще боится. Это очевидно. И у него есть причина для этого.

Даже сейчас Олег Анатольевич Гордиевский², родившийся в 1939 году³, был полковником советской разведки КГБ. Когда он им стал, в 1985 году, ему предстоял прыжок на пост шефа резидентуры КГБ в Лондоне. На самом деле он уже давно работал как «крот» на британскую разведку. Ей он в течение 11 лет выдавал не только знания о внутренней жизни КГБ, но и его агентов. За это в Советском Союзе он был приговорен к смертной казни. КГБ больше нет. Но смерт-

² Так у автора. На самом деле отчество Гордиевского – Антонович. (прим. перев.)

³ Так у автора. Правильная дата рождения – 10 октября 1938 года. (прим. ред.)

ный приговор Олегу Анатольевичу действует и поныне. Он законно осужденный предатель. Поэтому он боится.

Он не говорит, где живет. Он не говорит, как его сегодня зовут. Когда он встречается с нами, то садится на метро, пересаживается на другую линию, затем на третью, а потом еще берет такси.

Мы встречаемся в квартире в Южном Кенсингтоне, которую сняли для разговора с ним. Он не хочет, чтобы мы знали, где он живет. Мы знаем лишь, что он проживает в маленьком городке под Лондоном, около часа езды на поезде с вокзала Ватерлоо, и живет там под немецким именем, под которым его и знают соседи.

«Вы должны понимать: теоретически КГБ или организация, ставшая его преемником, может убить меня в любой точке Земли. Нам кажется это преувеличением, но нас переубедили. За прошедшее время нам казалось, что с уходом КГБ с политической арены похоронены и его старые грехи. Но что такое уход? Из старого КГБ было лишь выведено бывшее Второе Главное Управление, ответственное за контрразведку и внутреннюю безопасность, и переименовано в «министерство безопасности». Но когда в октябре 1993 года «министр безопасности» не только не смог, но, скорее всего, даже не захотел предотвратить путч против президента Бориса Ельцина, рассерженный президент расформировал министерство и дал ему новое имя «Федеральная Служба Контрразведки».

Все это время Первое Главное Управление, отвечающее за внешнюю разведку, занималось своей работой, как будто ничего не изменилось. На старые кадры КГБ существует тот же спрос, что и раньше, особенно сейчас, когда Россия снова хочет стать сверхдержавой и нуждается для этого в хорошо функционирующей разведке.

Они – специалисты (а других нет) по разведке, шантажу, саботажу, промышленному шпионажу. И у этих экспертов долгая память. Они не прощают – все равно, на пенсии они или еще на службе».

Мы встречались и беседовали с ними – с Крючковыми, Грушко и Шебаршиным. Дело Гордиевского для них – горькое поражение, от которого они никак не могут оправиться. Гордиевский для них – воплощение Зла, не только, потому что ему удалось тайно покинуть Советский Союз, избежав верной смерти, но и потому, что он своим побегом оставил их в дураках – их, до той поры – столь всемогущих.

– Что, собственно, подтолкнуло Вас к службе в КГБ?

– Мой брат убедил меня. Он уже служил в КГБ. Я, в общем-то, хотел стать дипломатом. Но разведка казалась мне более привлекательной карьерой. Я был молод и честолюбив. Я хотел стать кем-то. И я хотел на Запад. Какой двадцатидвухлетний парень в Москве этого не хотел? А работа в КГБ была для меня своего рода мостом в Европу. Для этого была и семейная предпосылка. Уже отец Гордиевского работал в качестве политического комиссара на предше-

ственника КГБ. Он был членом партии с 1919 года, и партия для него была «богом». Во время сталинских чисток, когда бесчисленные родственники и друзья семьи бесследно исчезли, безусловная верность отца была сильно поколеблена. Но окончательно с коммунизмом он так и не порвал. Это сделал лишь его сын.

– Но несмотря на это, Советский Союз был все же Вашей родиной. Почему Вы предали ее?

– Я предал не свою страну, а режим, который сам предавал ее в течение десятилетий. Это началось с ввода войск Варшавского Договора в Чехословакию. Тогда в августе 1968 года, погибла «Пражская весна», попытка придать социализму «человеческое лицо». Ужасное рыло советского коммунизма выперло на сцену. – Меня как бы ударили по голове, – рассказывает Гордиевский. – Это ли страна, за которую я должен был выступать? Солженицын тогда написал, что быть гражданином Советского Союза стыдно. Именно так я это и воспринимал. Я не хотел служить государственной власти, которая походя нарушает свои собственные законы и решил не сотрудничать больше с этой системой.

– Но это ведь не могло произойти внезапно. Нужен был процесс обдумывания, отхода от нее.

– Да, конечно. Я с 1962 года служил в КГБ. Я был молод, многим интересовался и о многом знал. Я читал в оригинале немецкие, шведские, французские, английские и американские газеты. Я узнавал намного больше, чем обычный гражд-

данин СССР. Я узнал, что Хрущев на 20-м съезде КПСС в 1956 году сказал правду о преступлениях Сталина. Я узнал, что советская система прогнила изнутри и держалась только на репрессиях. Я был таким образом прекрасно подготовлен. И я знал: единственным средством, чтобы изменить положение в моей стране была помощь Западу. Запад был для меня островом свободы. Этот остров спасет мир, думал я. Так я пошел на контакт с одной западной разведкой. Это произошло в Копенгагене в 1972 году.

После посещения кузницы шпионских кадров в Москве Гордиевский в 1966 году начинает свою карьеру в качестве простого «секретаря» советского консульства в датской столице. В 1970 году он вернулся в Москву, в 1972 году – снова очутился в Копенгагене, на сей раз – в качестве «пресс-атташе» посольства.

Каждый сотрудник КГБ должен иметь «официальное» занятие: особенно любимыми были должности «пресс-атташе», «экономического» или «торгового атташе». «Пресс-атташе» Гордиевский для установления контакта выбрал провокационный, но надежный метод. По телефону он высказал своей тогдашней супруге некоторые критические замечания в адрес советской системы – зная, что частные разговоры советских дипломатов подслушиваются датской разведкой. Датчане вышли с ним на контакт.

В 1974 году Гордиевский в одном спортзале встретился с британским агентом. Он сигнализировал датчанам, что его

сведения представляют больший интерес для атомной державы вроде Великобритании, чем для маленькой Дании.

– Почему англичане? Почему не американцы?

– Я решил в пользу британской разведки, потому что оценивал ее выше, чем американскую.

Настоящий благородный герой? Гордиевский, одинокий рыцарь между блоками, осознавший плохие стороны советской системы и решивший спасти свою страну, шпиона для Запада? Есть и другие объяснения.

– Ваши чистые идеологические мотивы Ваши бывшие руководители не воспринимают. Они утверждают, что причины измены Гордиевского были лишь финансовые: ему нужны были деньги.

– Конечно, они так и должны говорить. Ведь они завидуют мне, потому что им не удалось поймать меня. И потому что никто из них не достиг, как я, уровня идейной борьбы против тоталитарного советского режима. Кто из нас рисковал? Не они же. Я рисковал своей жизнью. Я рисковал своей семьей, которую не мог видеть в течение шести лет. А они служили режиму, пока он не исчез. Я был прав и отстаивал свое право, и это они не могут мне простить. У них остался один шанс – клеветать на меня.

– Ваши бывшие коллеги по КГБ говорят, что Вас могли шантажировать. Например, фотография Вас с какой-то женщиной.

– Я никогда не боялся шантажа. Британская разведка не

использует шантаж. Так думает КГБ. КГБ сам использует шантаж. Они рассматривают все как в зеркале: если мы так делаем, другие тоже так делают! Это типично для КГБ.

– А женщины, Олег? У Вас не было никаких приключений?

Гордиевский улыбается. Нет, я скучный человек, говорит он.

– Я никогда не был в публичных домах, никогда не напивался – мне жаль. Когда мои другие коллеги напивались, я читал газеты или – и это он говорит совершенно серьезно – какую-то научную статью или слушал Баха. Я был серьезным человеком с серьезными интересами.

– И такой чистый рыцарь действительно не получил от англичан ни одного пенса?

– Ну хорошо, – Гордиевский немного молчит, отхлебывает своего «русского кофе» и признается. – В конце моей работы для британской разведки англичане сказали мне: «Олег, хотите Вы этого или нет, мы недавно начали переводить на Ваш счет небольшие суммы денег. Ведь Ваше будущее неясно, и мы хотим, чтобы у Вас было надежное будущее». И эти деньги, накопившиеся на моем счету, я после побега из СССР в 1985 году смог действительно хорошо использовать.

Это мы понимаем. Итак, он все же работал не совсем задаром. Британская разведка умело все это приукрасила. По отношению к своим британским коллегам Гордиевский вы-

ступал как человек, действующий по соображениям совести. Но где написано, что те, кто действует, исходя из своих убеждений, вообще не должны брать денег?

– За эти деньги я купил себе дом. Это весь материальный фон. Кроме него, я ничего не заработал. Он немного запнулся: – Кроме маленькой постоянной пенсии. Ведь больше я ничего не получаю. Британская разведка нам это подтвердила. Что думают коллеги из КГБ, мы еще услышим.

– О чем Вы сперва проинформировали британскую разведку?

Гордиевский улыбается:

– Они, конечно, хотели узнать, есть ли у КГБ агенты в их службе или вообще в правительстве. Если бы они были, я сказал бы им. Но к сожалению, тогда таких агентов не было. Потом они потребовали: «Расскажите, кто в Дании работает на КГБ!» На это было легко ответить. Я им все рассказал. Но они это и так знали. Они просто хотели меня проверить.

– А какие сведения Вы затем передавали англичанам?

– Я называл им агентов КГБ на Западе. Я дал им структуру КГБ. Я передал им документы КГБ. Я информировал их о целях и методах советской разведки. Я рассказал им все, что знал. Иногда некоторые сообщения были для них интереснее, чем я думал. Вот пример. В середине 70-х годов заместитель министра иностранных дел СССР Земсков посетил Данию – он много пил. И когда он был довольно сильно пьян, он сказал: «Мы все – рабы Старой площади». Это

означало: все министры зависимы от Центрального Комитета КПСС, который находился на Старой площади в Москве. Англичанам это показалось сенсацией. Они едва не упали со стула: «Повторите это еще раз, повторите еще раз! Этого не может быть!». Но это так и было. Решения принимались в Политбюро, в Секретариате ЦК, подготовленные Международным отделом ЦК.

Это соответствовало действительности. Лишь в конце эры Горбачева баланс власти в Москве радикально изменился. Теперь, к примеру, министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе стал влиятельней, чем руководитель Международного отдела ЦК Валентин Фалин. Прорыв к немецкому единству Фалин не хотел воспринимать. Но Горбачев в окончательной фазе совершенно осознанно советовался не с ним, а с Шеварднадзе.

– Как Вы передавали сообщения? Вы использовали «мертвые» почтовые ящики? Или Вы встречались с британскими разведчиками?

– В Дании мы встречались примерно раз в месяц. В Англии мы в начале встречались раз в месяц, затем дважды в месяц, потом раз в неделю, а в конце даже два раза в неделю. Во время этих встреч я говорил по-русски, потому что они хотели, чтобы я высказывался как можно точно и рассказывал как можно подробнее. Они все записывали на магнитоленту. Иногда я приносил с собой из посольства совершенно секретные документы, обычно в виде фотонегативов.

тивов. Я брал их из моего сейфа, засовывал в карман и передавал моему ведущему офицеру, обычно на конспиративной квартире. Его ассистентка раскатывала пленки на столе, приносила какой-то прибор и копировала их. Затем я снова клал документы в карман, возвращался в посольство и прятал их назад в сейф. Вся операция должна была длиться не более 45 минут. Ведь если бы за это время прошла какая-то проверка, меня давно бы уже разоблачили.

– Вас никогда не проверяли?

– Однажды такая проверка состоялась. Отсутствовали некоторые совершенно секретные документы. Все были возбуждены: «Куда же подевались документы?» Я как раз вернулся со встречи с моим ведущим офицером. Если бы они обыскали меня, это означало бы мой конец. Но почему-то они этого не сообразили.

Но они все же сообразили. Ведь все эти детали содержатся в досье Гордиевского, лежащем в архиве КГБ в Москве. Но это были лишь намеки, а не улики. Для изобличения этого недоставало. Пока недоставало.

– Ваше бытие как двойного агента было очень опасным. Неужели Вы не боялись? За себя? За свою семью? Он пожимает плечами.

– Конечно, боялся. Я очень боялся. Вы не можете выключить этот страх. Его можно только загнать вглубь. Но тогда он появляется снова и охватывает тебя, обычно в тот момент, когда ты об этом совсем не думаешь. Он трясет и почти уби-

вает тебя. Но я научился жить со своим страхом. Мне не оставалось альтернативы, ведь я все решил для себя раз и навсегда. Так что мне пришлось взвалить на себя все последствия.

– А Ваша семья ничего не знала?

– Ради Бога, нет. Моя жена сошла бы из-за этого с ума.

Под «своей женой» он подразумевает свою вторую жену – Лейлу. Она намного моложе его, что обычно бывает в случае вторых браков. Обе его дочери ходят в частную английскую школу. Шпион с семьей, как большинство. Для Джеймса Бонда тут места нет.

Когда он говорит о Лейле, то со странной отстраненностью. Они познакомились в Копенгагене, во время его второго пребывания там в качестве «пресс-атташе». Он еще состоял тогда в первом браке – на бумаге. Лейла была секретарем в Международной организации здравоохранения. Советская колония в Копенгагене состояла из трехсот человек. Неписанным законом было собираться всем вместе на вечерних мероприятиях. Было трудно не познакомиться друг с другом. Гордиевский развелся и женился на Лейле. Она родила ему двух девочек и была счастлива – пока не узнала, что ее муж, полковник КГБ, на самом деле шпионил в пользу британской разведки. Но тогда он уже находился на золотом Западе, а она сидела в серой Москве с двумя маленькими детьми. Он, конечно, никогда ей ничего не рассказывал о своей двойной игре, чтобы не обременять ее. Но поймет ли это жена? Или

она посчитает, что ею злоупотребляли? Мы еще услышим версию супруги.

– Неужели за все эти годы не возникало подозрений, что в резидентурах КГБ в Копенгагене и Лондоне есть утечка – и что Вы – эта утечка?

– В первые пять лет моей работы на англичан, т. е. с 1974 по 1979 годы в Копенгагене, мы были очень осторожны. В резидентуре не возникло ни малейшего подозрения. Иначе обстояло дело в центральном управлении КГБ. Когда я в 1979 году вернулся в Москву, то узнал, что КГБ обнаружило утечку информации. Они подозревали, что Запад знал кое о чем больше, чем ему полагалось знать. Они ломали себе голову: «Кто «крот» в наших рядах?» Это очень сильно повышало уровень адреналина в моей крови. Но все это было еще слишком шатко... Когда же я в 1982 году наконец был направлен в Лондон – «прямо к их пасти» – положение становилось все хуже. Я разоблачил нескольких агентов и потенциальных агентов – вроде Арне Трехольта и Майкла Беттани. Тогда они в Москве, конечно, что-то заподозрили: Запад не мог сам выйти на них! Где-то есть предатель! Петля все сильнее затягивалась. В КГБ есть пословица: «Агент живет около 10 лет. «И примерно после десяти лет работы на англичан КГБ стал меня подозревать. Мое время прошло, земля под ногами становилась все горячеей. Точно я ничего не знал. Но уже в начале 1985 года у меня возникло плохое предчувствие. Что-то было не так. Я чувствовал это.

– Как они вышли на Ваш след? Кто или что Вас выдало?

– Над этим я годами ломал себе голову. Теперь я знаю.

Конечно, было много указаний на утечки информации. И если бы в центре КГБ сложили все камешки мозаики, они раньше вышли бы на меня. Но получилось совсем иначе. в начале мая 1985 года они получили очень достоверную информацию от своего высокопоставленного источника о том, что в лондонской резидентуре сидит западный шпион. Я был единственным, кто попадал под подозрение.

От кого пришла эта информация? От Олдрича Хэйзена Эймса, тогдашнего шефа контрразведывательного отдела ЦРУ, ответственного за СССР и Восточную Европу. Эймс был в апреле 1985 года завербован КГБ. Свой первый гонорар он получил в середине мая 1985 года. Это была оплата за указание на то, что в Лондоне есть «дыра». Имел ли право сотрудник ЦРУ Олдрич Эймс вообще знать, что в Лондоне сидит двойной агент? Собственно, нет – но англичане в 70-х и 80-х годах прилагали почти болезненные усилия для улучшения своего пострадавшего имиджа в глазах «двоюродных братьев» за океаном, передавая им высококласные сведения.

Со времени «Великолепной пятерки» из Кембриджа, знаменитых университетских агентов Советского Союза, шпионивших за «Сикрет Интеллидженс Сервис» изнутри, ЦРУ больше не особо доверяла британской разведке. Это недоверие могли устранить только хорошие сведения. Так инфор-

мация от Гордиевского попадала на пару столов в Лэнгли, штат Вирджиния. Они, конечно, были «очищены» – англичане скрывали свой источник, как могли. Но профессионал смог сложить 1 + 1. А Олдрич Эймс был профессионалом.

Так двойной агент Олег Гордиевский в конце мая 1985 года попал в двухмесячный кошмар – рискованную игру на жизнь или смерть. Она началась с одной телеграммы. Когда телеграмма лежала на его столе, он сразу понял, что тут что-то не так. Это был четверг, полдень, прекрасный майский день в Лондоне, 24 градуса в тени, необычно тепло для этого времени года. Гордиевский повесил куртку на спинку одного из двух его потертых поворачивающихся кресел и открыл окно. В его комнате на третьем этаже советского посольства было очень жарко. Этаж КГБ лежал прямо под крышей – на мансарде, где летом было невыносимо. Вентиляторы, один на комнату, должны были выдаваться хозяйственным отделом лишь после 1 июня.

Возле листка отрывного календаря с датой 16 мая лежала телеграмма из Москвы. Она требовала от товарища «Горнова» немедленно вылететь в столицу Советского Союза для «служебных бесед» с товарищами «Владимировым» и «Алешиним». «Горнов» был псевдоним Гордиевского в КГБ. «Владимиров» – псевдоним председателя КГБ Виктора Михайловича Чебрикова, члена Политбюро ЦК КПСС, «Алешин» – кодовое имя Владимира Александровича Крючкова, тогдашнего руководителя Первого Главного Управления, от-

ветственного за внешнюю разведку. Мания псевдонимов в КГБ уже вошла в поговорки.

Несмотря на жару, Гордиевского прошиб холодный пот. Опять это головокружение. Он схватился за поручни кресла. У шпионов, вообще-то, должно быть железное здоровье, а уж у двойных агентов – тем более. Но Гордиевский страдал гипертонией и должен был принимать успокоительное. Но чувство надвигавшейся опасности нельзя было побороть таблетками. Не шло ли его дело до сего момента слишком гладко?

На первый взгляд у него не было оснований для беспокойства. Он находился в зените своей карьеры. Его оценка в Москве была, как говорили его начальники, хороша, как никогда – и по хорошей причине. Когда Горбачев в декабре 1984 года впервые посетил Великобританию, Гордиевский снабдил его интересными материалами о стране и людях, от которых будущий Генеральный секретарь был просто в восторге. Ничего удивительного, что умелый вице-резидент в январе 1985 год был вызван в Москву, где ему сообщили, что он будет назначен на должность резидента КГБ в Лондоне и вступит в эту должность в мае 1985 года.

Зачем тогда эта телеграмма? Почему ему снова нужно ехать в Москву? Гордиевский усилием воли заставил себя успокоиться. По инструкции он был обязан сообщить о телеграмме послу СССР в Великобритании. Виктор Иванович Попов был удивлен. Он и Гордиевский всегда были довольны

друг другом. Попов был холериком, часто напивался и отпускал недвусмысленные шуточки в адрес посольских женщин.

Теперь он показал себя очень доброжелательным, похлопал Гордиевского по плечу и дал ему несколько советов для бесед в Москве. Очевидно, это приглашение посол рассматривал как награду – Гордиевского, видимо, вызывали на повышение. А с победителями нужно обращаться хорошо.

На следующий день, в пятницу, товарищу «Горнову» в посольство пришла новая телеграмма из Москвы. В ней «Горнову» предписывалось подготовиться к ответам на вопросы о политической, экономической и военной ситуации в Великобритании. В принципе, совершенно обычная инструкция. Гордиевский немного успокоился. Не стал ли он уже после одиннадцати лет рискованных игр двойного агента параноиком? Не страдает ли он манией преследования? Не мерещатся ли ему опасности там, где их нет? Так говорил ему его разум. Но инстинктивно он чувствовал, что этот московский разговор – искусно поставленная ловушка.

В Москве в это же время Владимир Александрович Крючков, шеф внешней разведки КГБ, сидел перед обширным деревянным письменным столом Виктора Михайловича Чебрикова. На обращенную к посетителям сторону стола он положил досье Гордиевского. Крючков с завистью смотрел на столик с телефонами Чебрикова. Председатель располагал аж семью телефонами – среди них, конечно, «вертушка», ко-

торой могли пользоваться только верхи номенклатуры. Число телефонов было важным индикатором номенклатурного ранга. С пятью телефонами уже принадлежат к высшей касте. И Чебриков благодаря своему месту и своему ведомству принадлежал к этой элите.

– Он приедет? – спросил Чебриков.

– Если он действительно проницательный человек, – ответил Крючков, – то он разгадает наш замысел и останется в Англии. Но я думаю, что он приедет.

– Что у нас есть против него?

– Пока ничего важного. Но есть много указаний на то, что он – слабое место.

– Тогда позаботьтесь о том, чтобы он в Москве столкнулся с фактами. Нам нужно его признание.

– Мы сделаем все, что можем, товарищ Чебриков. Но нам для этого нужно некоторое время.

– Хорошо, у Вас оно есть. Но получите однозначный результат.

В это же время в Вашингтоне, Федеральный округ Колумбия, Олдрич Хэйзен Эймс, шеф отдела контрразведки ЦРУ, кладет на свой счет девять тысяч долларов США. Это его первый гонорар, выплаченный КГБ наличными – за указание Эймса на то, что в Лондоне есть «дыра».

После обеда в тот же день Гордиевский в Лондоне вышел на связь с МИ 6. МИ 6 среди британских спецслужб отвечает за внешнюю разведку, МИ 5 – за контрразведку. По своей

официальной деятельности как будущий резидент КГБ Гордиевский был объектом МИ 5, а по своей неофициальной – как шпион – нелегальным сотрудником МИ 6.

Тайно он надеялся, что его хозяева посоветуют ему не ехать в Москву, потому что это слишком опасно. Но коллеги не доставили ему этого удовольствия. По их данным, как они объяснили, нет ни малейшего намека на то, что что-то раскрылось. Больше они ничего не сказали. Но они дали понять Гордиевскому, что для британской разведки чрезвычайно важно узнать, что хотят сказать товарищи Чебриков и Крючков о советской политике вообще и о политике КГБ по отношению к Великобритании. Они пообещали держать его в поле зрения и позаботиться о его безопасности. Но какое значение может иметь гарантия британской разведки в столице Советского Союза? Сигнал был ясен: «Ты должен ехать в Москву». Итак, он поехал. Но до этого ему нужно было выполнить еще одно официальное, давно запланированное задание.

В субботу 18 мая нужно было передать британскому «нелегалу» – так на разведывательном жаргоне называют тайно действующих агентов – восемь тысяч фунтов стерлингов. Гордиевскому нужно было выполнить это задание, так как у него был дипломатический паспорт, который защитил бы его в случае разоблачения.

Ирония акции состояла именно в том, что Гордиевский – сам «нелегал» МИ 6 – и без этого был защищен. Но он

все таки никогда не информировал МИ 6 обо всех акциях, которые проводил в качестве офицера КГБ. Это знала британская разведка – и это «джентльменское соглашение» было частью сделки. МИ 6 узнавала лишь то, что ей хотел сообщить сам Гордиевский. Предатель оставался господином своего предательства.

В его двойной шпионаж не входило, к примеру, дело д-ра Юсефа Даду, вице-президента Африканского Национального Конгресса – организации чернокожих южноафриканцев, которая тогда была запрещена не только в самой ЮАР, но повсюду считалась преступной организацией. Советский Союз поддерживал АНК, лидер которого Нельсон Мандела тогда сидел в тюрьме, деньгами и оружием. Если поставки оружия обычно проходили через столицу Замбии Лусаку, то Лондон был основным пунктом для передачи денег. Между июлем и декабрем 1982 года Гордиевский на нескольких встречах передал всего около двухсот тысяч долларов США для АНК – а кроме того, еще восемьдесят тысяч долларов для Коммунистической партии ЮАР. Деньги поступали от советского Внешторгбанка и при прибытии в Лондон были еще упакованы в его пачки. Даду набивал себе карманы долларовыми банкнотами, подписывал квитанцию и исчезал – «денежный курьер». Гордиевский всегда удивлялся, что этот африканец, беззаветно веривший в преимущество коммунистической системы, совсем не боялся нападения разбойников. В любом случае, МИ 6 не узнало ни слова о денежных пе-

ревозках Даду. Также и в нынешней акции молчание было золотом.

18 мая 1985 года Гордиевский взял подготовленный техниками резидентуры кирпич, пустой внутри – чтобы уложить в него как раз четыре сотни банкнот по двадцать фунтов каждая. Он засунул кирпич в пластиковый кулек и отправился вместе с дочерьми Марией и Анной в парк, где была назначена передача. Обе дочки прекрасно говорили по-английски. Мария посещала первый класс школы «Church of England», и Гордиевский охотно рассказывал, как она, однажды вернувшись домой, прочитала молитву «Отче наш» на прекрасном английском языке. Этому еще предстояло сыграть свою роль.

Корамс Филд в Блумсбери находился недалеко от лондонского делового центра и был соответственно полон людьми. Дочки Гордиевского, четырех и пяти лет, бегали по парку. Лучшей маскировки трудно было найти. Разведчик КГБ осмотрелся, вынул кирпич из кулька и положил его на краю пешеходной дорожки.

Затем он купил два «хот дога» для дочек и покинул парк. Риск состоял в том, что за предусмотренные пятнадцать минут между уходом Гордиевского и появлением «нелегала» какой-то прохожий мог бы поднять и забрать с собой кирпич. Кирпич ведь был хорош и красив. В таком случае Гордиевскому пришлось бы нести ответственность. Но передача сработала. «Нелегал» (псевдоним «Дарио») прибыл во вре-

мя и забрал кирпич вместе с содержимым. Акция прошла в соответствии с планом.

Гордиевский не мог знать, что это была его последняя операция в карьере двойного агента. На следующее утро в половине седьмого утра «Форд Гранада» советского посольства стоял перед квартирой Гордиевского на Кенсингтон-Хай-Стрит. Водитель привез его в аэропорт Хитроу, на утренний рейс «Аэрофлота» в Москву.

Было воскресенье, 19 мая 1985 года. Жена и дети остались в Лондоне. О своих опасениях он ничего им не сказал. Лейла Гордиевская не знала, что ее муж ведет опасную игру. Во время прощания Гордиевский сказал своей жене: «Я позвоню тебе из Москвы, когда буду вылетать, и ты с детьми встретишь меня в аэропорту!» Недели через две, до среды, он должен вернуться.

Шереметьево-2 – самый современный из московских аэропортов. Здесь приземляются самолеты из заграницы. Перед несколькими пропускными пунктами сразу возникают большие очереди. Со своим дипломатическим паспортом Гордиевский мог проходить через особое окошечко, где никого перед ним не было. Пограничник взял его паспорт, ввел его фамилию в свой допотопный компьютер, и несколько раз перелистал все страницы. Затем он ждал – пять, десять, пятнадцать минут, которые казались все более долгими. Пограничники в Шереметьево подчинялись Главному Управлению Пограничных войск КГБ СССР. Гордиевский, конеч-

но, знал это.

Его беспокойство возросло, когда пограничник схватился за телефон и произнес что-то в трубку, что для ожидавшего за стеклом выглядело примерно как «Он здесь!» Информировал ли этот человек своего командира? Что это значит: слежка, наблюдение, контроль? Обоснован ли его страх?

Через час он открыл дверь своей квартиры на Ленинском проспекте, дом 109. В этот момент Гордиевский понял, что КГБ действительно следит за ним. Квартира подверглась обыску! Олег и Лейла всегда пользовались лишь двумя из трех дверных замков. А теперь были закрыты все три замка. В принципе, это отдавало любительством – неужели они хотели намекнуть ему, что он «под колпаком»? Кроме этого, никаких изменений в квартире не обнаружилось. Лишь при проверке в ванной Гордиевский в еще запечатанной пластиковой упаковке бумажных полотенец обнаружил маленькую дырочку, которой до этого не было. Если они вышли на его след, то их интересовали самые мельчайшие детали. А кроме этого было еще кое-что.

Под своей кроватью Гордиевский спрятал стопку книг, которые в тех условиях все еще считались в СССР «антисоветскими». В начале эры Горбачева понятий «гласность» и «перестройка» еще не было. Какие книги? Например, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, журнал «Континент», немного Сахарова и Пастернака. Подобные книги, которые на Западе выходили на русском языке, правда, охотно покупались жур-

налистами, дипломатами, коммерсантами (и шпионами) – но официально библиотека под кроватью все равно считалась «подрывной». Эти книги были запрещены в Советском Союзе. Здесь сыщики КГБ не оставили следов, но они, несомненно, нашли эту стопку.

В Лондоне Гордиевский еще чувствовал настоящий страх. Теперь это было странное чувство безысходности.

– Я чувствовал себя в безвыходном положении. К страху я уже привык. Я тренировал это. Я всегда знал, что мой конец может быть трагичным. Я понимал, что меня когда-нибудь могут расстрелять. И теперь, видимо, этот час настал. Но этот страх был еще хуже. Он всегда был во мне, его нельзя было подавить.

Он попробовал заняться нормальными делами, сел на кровать, взял телефонную трубку и позвонил своему шефу Грибину, начальнику третьего отдела ПГУ:

– Николай Петрович, я снова в Москве. Что мне нужно делать?

– Хорошо, Олег Анатольевич. Вас кто-то завтра заберет.

Тон Грибина был сдержанней, чем обычно. Телефонный разговор еще более насторожил Гордиевского.

На следующее утро младший офицер на черной служебной «Ладе» КГБ доставил Гордиевского в Ясенево. Ясенево это пригород многомиллионной Москвы, прямо на шоссе-кольце, окружающем столицу. Как и многие другие современные постройки в Москве, штаб КГБ тоже был постро-

ен финскими архитекторами. В Ясенево располагается Первое Главное Управление (ПГУ) КГБ, занимающееся внешней разведкой; большой и герметически закрытый от окружающего мира комплекс с дачами, гаражами, поликлиникой, спортзалами и бассейнами.

В центре комплекса – двадцатидвухэтажное офисное здание в форме латинской буквы Y. Вдоль проволочных заграждений под током круглые сутки патрулируют вооруженные солдаты.

В центре Парка разведчиков стоят напротив друг друга две колоссальные статуи: здесь обязательная голова Ленина из гранита, там «неизвестный разведчик» из бронзы.

Персонал ПГУ увеличился с 3 тысяч человек в 1965 году до 12 тысяч в середине 1985 года. Но даже так Первое Главное Управление оставалось по масштабам КГБ маленьким. Только Главное Управление Пограничных войск охватывает более двухсот тысяч человек. Но зато репутация внешней разведки – самое лучшее в КГБ. Его баланс успехов стал легендарным. Первое Главное Управление олицетворяло собой глаза и уши службы. Оно вербовало элиту «чекистов», как они называли себя тогда и называют до сих пор – по имени первой социалистической спецслужбы – ЧК.

Гордиевский всегда гордился своей принадлежностью к ПГУ. Студентом он мечтал о работе в Министерстве иностранных дел. Но затем вербовщик КГБ, его собственный брат, легко поймал его на крючок: жажда приключений, пре-

бывание за границей... в начале шестидесятых годов немного было нужно чтобы соблазнить молодого честолюбивого студента службой в КГБ.

В Ясенево Гордиевского провели в пустую комнату в третьем отделе и приказали ждать там. Когда и на второй день ничего не произошло, он попросил о встрече с Чебриковым и Крючковым. «Вам скажут, когда придет время».

Целую неделю ничего не происходило. Гордиевский ждал каждый день до восьми часов вечера телефонного звонка, который прояснил бы его судьбу. Но ничего не случилось. Видимо его хотели «сварить всмятку». Официально он занимался тем, что готовил отчеты об операциях КГБ в Великобритании. Но это было быстро сделано. У него было время, много времени, чтобы подумать, где его слабое место.

В чем его могут обвинить? Это могло быть, к примеру, дело Ховик. Гунвор Гальтунг-Ховик была норвежкой. В начале сороковых годов во время немецкой оккупации она влюбилась в русского военнопленного по имени Владимир Козлов и помогла ему бежать в Швецию. После немецкой капитуляции она всеми средствами добилась приема на работу в МИД Норвегии в качестве секретарши – ведь она так хотела в Россию, к Владимиру.

В 1947 году ей удалось попасть на работу в норвежское посольство в Москве. Владимир уже ждал ее. Правда, он успел жениться – но какое это имело значение? Мир был прекрасен. Но Козлов успел стать и связником советской развед-

ки, которая к этому времени снова сменила имя – с НКВД на МГБ. Продлилось не долго, пока Гунвор Ховик передала своему возлюбленному документы из посольства. Теперь ее можно было шантажировать – и так продолжалось тридцать лет. Она была шпионкой по любви, потом агентессой из страха, в конце концов – по привычке. В конце она просто уже не знала иной жизни.

В 1956 году Гунвор вернулась в Норвегию и работала секретарем в Министерстве иностранных дел. Под псевдонимом «Грета» она до 1977 года снабжала КГБ тайными документами НАТО, протоколами заседаний кабинета министров, документами со стола норвежского министра иностранных дел – очень интересными материалами для чтения.

Будучи заместителем резидента КГБ в Копенгагене, Гордиевский узнал о существовании «Греты». Он немедленно проинформировал британскую разведку. Та передала намек норвежским коллегам.

В начале 1977 года Гунвор Ховик была арестована с личным – в тот момент, когда она хотела передать своему ведущему офицеру-связнику Александру Принципалову секретные документы. Принципалов сослался на свою дипломатическую неприкосновенность и был отпущен, после того, как в его кармане было зарегистрировано наличие денег в сумме двух тысяч крон – премия для его агентессы.

Гунвор Ховик оказалась крепким орешком. На допросах она настаивала на том, что она имела лишь любовную связь с

Владимиром Козловым, советские дипломаты время от времени передавали ей письма от него – только для этого она с ним и встречалась. Норвежские методы допроса не так грубы, как, к примеру, латиноамериканские – но со временем и они срабатывают отлично. После недели психологической обработки Гунвор Ховик сломалась и признала, что в течение трех десятилетий шпионила на советскую разведку. До того, как против нее начался судебный процесс, она умерла от инфаркта в тюремной камере.

Через год – Гордиевский как раз служил в центральном штабе – Виктор Грушко, в то время шеф третьего отдела, сказал во время одного заседания: «Наш друг Ким Филби написал отчет о деле Ховик. Мы попросили его объяснить, почему, на его взгляд, провалился наш агент. Ее имя и национальность были изменены. У Филби есть лишь одно объяснение: в нашем отделе – предатель». И Грушко по очереди посмотрел на всех присутствующих.

В центре сидел Гордиевский. Он был готов провалиться сквозь землю. Кровь прилила к лицу. Заметил ли это Грушко? Он чувствовал себя пойманным. Но последствий не было. Отчеты «Греты» проходили через очень многие столы. То, что потеря «Греты» не нанесла сильного удара по КГБ, норвежцы заподозрили быстро. Они подслушали телефонный разговор жены сотрудника КГБ в Осло Владимира Шишина с мужем, когда она спросила, не случилось ли чего-то серьезного. Беспечно, слишком беспечно он ответил: «Мог-

ло быть и хуже».

Так оно и было. Ведь у КГБ в Осло на крючке была совсем другая рыба, по сравнению с которой высоко оцениваемая «Грета» казалась маленьким пескариком: Арне Трехольт. Наряду с Гансом-Йоахимом Тидге – шефом контрразведки ФРГ, он был самым важным агентом КГБ в те годы.

Трехольт привлек к себе внимание КГБ еще в конце шестидесятых годов. Молодым студентом политологии он устраивал в Осло демонстрации против «американского империализма». Резидентура КГБ посеяла семя, которое уже скоро на удивление удачно проросло. Трехольт был тщеславен, и его легко убедили в собственной значимости.

Его первым контактным лицом в КГБ был Евгений Беляев, который в начале инвестировал в молодого человека несколько ужинов, проводя их в дискуссиях о международной и особенно о норвежской политике. Он создал у Трехольта чувство, что его не только воспринимают всерьез, но и считают человеком.

На самом деле интересен Трехольт стал лишь тогда, когда его сделал своим ассистентом известный адвокат и политик Йен Эверсен. По опробованной методике КГБ Беляев сделал так, что Трехольт за пару переданных сведений получил немного денег. Но час Трехольта пробил лишь при преемнице Беляева Геннадии Титове.

Титов, по словам Гордиевского, был «самый преступный и жестокий офицер КГБ, с которым я когда-либо встречал-

ся». Титов был льстецом и, конечно, дал Трехольту понять, насколько он блистателен и образован – призван к чему-то много большему.

Когда наставник Трехольта Эверсен стал министром, он сделал своего подопечного государственным секретарем. Теперь Трехольт поставлял своим заказчикам все, что они хотели: прежде всего, документы о норвежской внешней политике и политике в области безопасности.

Так как Норвегия была стратегически важным членом НАТО, эти документы были очень важны для Советов – особенно, когда Трехольт получил доступ к документам с наивысшим грифом секретности «Cosmic Top Secret». Арне Трехольт считался перспективным агентом. Советы надеялись, что он однажды станет министром иностранных дел. Шансы для этого у него были. Лучше нельзя себе было и представить: помимо советского суперагента Урхо Кекконена, президента нейтральной Финляндии, на КГБ работал бы и министр иностранных дел одной из стран НАТО. Но для этого Трехольту еще предстояло сделать карьеру.

Когда Титов после разоблачения «Греты» был выслан из Норвегии, он переубедил шефа ПГУ Владимира Крючкова в необходимости, «вести» в будущем своего суперагента Трехольта непосредственно из центра. Так он в дальнейшем встречался с Трехольтом в Вене и Хельсинки, обоих любимых местах встреч советской внешней разведки. Но во время одной из таких встреч Трехольта и Титова тайно

сфотографировал агент ЦРУ. Потому что Гордиевский выдал Трехольта МИ 6. А так как это произошло в тот момент, когда англичане усиленно улучшали свой пострадавший имидж перед коллегами из ЦРУ, то они передали дальше горячую наводку. Правильно – или неправильно – они наши союзники!

Теперь петля все сильнее сжималась вокруг топ-агента. В конце 1978 года его перевели в представительство Норвегии в ООН в Нью-Йорке. Это оказалось лучшим местом и моментом для КГБ. Ведь как раз в это время маленькая Норвегия стала членом Совета Безопасности ООН. Так Трехольт встречался в Нью-Йорке в тихих ресторанчиках Манхэттена с местным сотрудником КГБ Жижиним, ведя доверительные беседы, во время которых «собутыльники» тайно меняли секретные документы Совета Безопасности на наличные доллары.

В начале 1984 года Титов за его патриотические заслуги в деле суперагента Арне Трехольта получил уже звание генерала.

Осло посетил министр иностранных дел США Джордж Шульц. Во время визита Трехольт исполнял функции представителя норвежского МИД по связям с прессой. Как только Шульц улетел, Трехольт купил авиабилет в Вену, чтобы передать своему ведущему офицеру Титову горячие сведения о событии. В его «дипломате» лежали 66 документов с грифом «топ сикрет».

Когда Трехольт поднимался на борт самолета авиакомпании SAS, его арестовал Орнуйф Тофте, заместитель шефа норвежской контрразведки.

Он всего лишь хотел перебросить «мост между Востоком и Западом», защищался на процессе разоблаченный шпион. В это он мог вполне сам поверить, констатировали судьи, говоря о «невероятном самомнении» Трехольта. Но тем не менее они приговорили его к 20 годам тюрьмы. Ведь была доказана жадность Трехольта. Конфискованы были остатки его шпионских гонораров – около миллиона норвежских крон.

Арест Трехольта – тоже на счету Гордиевского. Титов никогда не стал бы генералом, если бы его питомца норвежская контрразведка арестовала на месяц раньше. Генеральскую звезду нельзя было отобрать, но в наказание Титова перевели в ГДР – в представительство КГБ в Восточном Берлине (Карлсхорст).

А затем последовало дело англичанина Майкла Беттани, попавшего в прострацию сотрудника МИ 5. Утром на Пасху 1983 года Аркадий Гук, резидент КГБ в Лондоне (псевдоним «Ермаков») нашел у своей двери конверт, заброшенный через щель почтового ящика.

Содержание письма представляло собой детальный отчет британской контрразведки о трех недавно высланных офицерах советской разведки. с подробностями их разоблачения.

В продвижении по службе Беттани обошли – прежде все-

го, из-за проблем с алкоголем. Разведчики хватаются за бутылку не реже, чем обычные люди. Но если британский офицер разведки свою тягу к преодолению проблем с помощью спиртного показывает слишком часто, то от этого страдает не только его здоровье, но и его карьера. Очевидно, это и было причиной его даже не особо тайного предложения.

Беттани предлагал совершенно секретные сведения прямо из логова британского льва. Свежий материал из МИ 5! Это было мечтой любого резидента КГБ, надо полагать. Но Аркадий Гук, пикантным образом, сам закоренелый пьяница, посчитал этот акт направленной провокацией и решил игнорировать предложение Беттани.

Перед Гордиевским встал острый вопрос. Нужно ли ему предупредить своих друзей из британской разведки и поставить этим на карту свою безопасность или лучше предоставить делу возможность развиваться естественным путем? Если МИ 5 возьмет Беттани, это насторожит Москву. Ведь в лондонской резидентуре о предложении Беттани знали три человека: Аркадий Гук, его заместитель Леонид Никитенко и Гордиевский. То, что кто-то из этого трио – предатель станет ясно не позднее, чем начнется судебный процесс против Беттани.

Решение вскоре пришло к Гордиевскому. Ведь Беттани снова предложил лондонскому филиалу КГБ свои услуги. Он мог доказать, что в советской сети безопасности есть «три дыры», и он может их назвать. Теперь быстрое дей-

ствие для Гордиевского было продиктовано самозащитой. Ему следовало исходить из того, что он сам – одна из этих «трех дыр».

Двойной агент Гордиевский информировал МИ 5. Аркадий Гук остался глух и настаивал на тезисе о провокации. Беттани почти разочаровался ввиду малого интереса к нему со стороны лондонской резидентуры и решил обратиться к венской резидентуре КГБ. За несколько дней до своего вылета в австрийскую столицу его арестовали.

Разразился скандал. В демократических странах процессы проводят открыто – и на процессе становится ясно, о чем идет речь. Аркадий Гук был полностью опозорен. Упустить такую возможность – получать информацию из первоисточников – как говорят англичане, «прямо из рта лошади», возможность, которой у советской разведки не было со времен «Великолепной пятерки»! А кроме того, англичане объявили Гука «персоной нон грата» и выслали из страны. В Москве он так и не стал на ноги. Но в штабе КГБ завывли сирены.

Кто был «кротом» в Лондоне? Сам Гук? Ну вряд ли! Для этого он слишком туповат. Никитенко? Скорее он. Или Гордиевский. Теперь он, двойной агент, сидел один в своем кабинете, в центре КГБ, далеко от семьи, оторванный от заказчиков. Они вышли на его след, он чувствовал это. Но ничего не происходило – целую неделю.

Положение изменилось в начале следующей недели. В по-

недельник, 27 мая в полдень зазвонил телефон. У аппарата был генерал Виктор Федорович Грушко, заместитель начальника Первого Главного Управления (псевдоним «Северов») – коммунистический солдафон наивысшей пробы. Грушко объяснил, что его, как избранного эксперта, ожидают на конференции по вопросам выработки новой стратегии для внедрения советских агентов в Великобританию.

– А беседа с руководством? – спросил Гордиевский.

Нет, пока придется подождать. Пока речь идет о внедрении. Грушко – какая честь! – сам подвез Гордиевского на своей черной «Волге» по московской кольцевой дороге на комфортабельную по советским критериям дачу, где их уже ожидали еще два офицера разведки. Гордиевский их никогда до этого не видел.

Супружеская пара официантов принесла обед в виде бутербродов. Армянского коньяка было вдоволь. Грушко и другие пили его не меньше, чем сам Гордиевский. Затем открыли вторую бутылку коньяка. Официант налил Гордиевскому. Через пару секунд он почувствовал, что с ним что-то не в порядке. Ему подсыпали наркотики.

Грушко вышел из комнаты, двое других начали допрос. В коньяк было добавлено химическое вещество, которое специально создано для таких случаев в лаборатории Управления К (контрразведка, разоблачение внутренних утечек). Вещество должно было, с одной стороны, снизить порог тормозных рефлексов человека, расслабляя его и заставляя го-

ворить, с другой стороны – отключить контрольные механизмы его мозга.

Ему казалось, что он сам сидит перед собой. Одна его часть видела, как другая без умолку говорит. Сначала они его спросили, знает ли он «других перебежчиков». Он ответил: «Нет». Но они продолжали: «Ну, признай же, что ты английский агент. Мы знаем это. У нас есть неопровержимые доказательства». Гордиевский снова только отрицал: «Нет, нет, это ошибка. Меня не вербовали. Я не агент!». Потом, чтобы сбить его с толку, они стали задавать другие вопросы: «Как можешь ты гордиться тем, что твоя дочь Мария читает молитву «Отче наш» на английском языке? Ты – чекист, разведчик!»

Все это звучало для него, как доносящееся издали. Но внутренний голос из еще нормально функционирующей части его мозга сигнализировал ему: «Ага, значит, они знают, что маленькая Мария знает «Отче наш» на английском языке». Об этом он в Москве говорил только один раз, сидя на софе своей матери. Значит, в ее квартире установлены «жучки»! Затем они спросили его: «Под Вашей кроватью Вы спрятали антисоветские книги! Как Вы могли вообще незаконно ввезти эту писанину в страну?»

Какое-то время Гордиевский лежал на полу, потому что наркотики сделали свое дело. Оба мужчины, очевидно, играли, распределив свои роли. Тот, кто постарше, с бледным лицом, казался больным. Он вел себя сдержанно. Позже Горди-

евский узнал, что это был генерал Голубев из отдела К ПГУ, занимавшийся поиском двойных агентов в собственных рядах.

От чекиста помоложе исходила большая опасность. Он казался умнее и задавал жесткие вопросы. Позднее Гордиевский идентифицировал его по фотографиям в досье британской разведки. Это был полковник Буданов, собака-ищейка отдела К.

Буданов поднял лежавшего на полу Гордиевского и грубо прислонил его к столу, на котором лежали остатки фатального обеда: «Признайся, наконец, что тебя завербовал П. «П. был британским разведчиком из МИ 6. «Им было нужно, – говорит сегодня Гордиевский, – мое признание. И я, несмотря на наркотики, чувствовал, что я ни в чем не сознался. Я только говорил: «Я не знаю, о чем Вы говорите!»

Голубев и Буданов оставили его лежащим на полу. Гордиевский лежал возле обеденного стола, был в сознании, но не мог встать. Он находился в состоянии пациента, накачанного наркотиками перед операцией, который, однако, все же мог наблюдать за своей операцией в полном сознании.

Через некоторое время Голубев вернулся и принес напечатанный на машинке лист бумаги. «Это Ваше признание», – сказал он. – «Вы только что признались в том, что Вы английский шпион. Теперь Вы должны подписать это признание!» Гордиевский попытался громко протестовать, но мог только шептать: «Нет, это неправда. Нет, это не так!» Затем

он потерял сознание.

Когда он проснулся следующим утром, его мучили ужасные головные боли. Он лежал на верхнем этаже дома, снова появилась супружеская пара официантов дачи и принесла ему кофе. Гордиевский спросил их: «Вы подсыпали мне что-то вчера в пищу?» Оба непонимающе посмотрели на него и пожалы плечами. Очевидно, им приказали не разговаривать с ним. Это были профессионалы – специалисты по обслуживанию «гостей» на одной из оборудованных камерами и магнитофонами дач для допросов КГБ.

В половине десятого появились Голубев и Буданов. Они вели себя так, как будто вчерашний допрос был обычной нормальной беседой. Буданов спросил Гордиевского, какие части Англии он уже знает. Гордиевский ответил, что он был на нескольких партийных съездах Лейбористской партии в Блэкпуле и Брайтоне, а так – лишь в Лондоне.

Буданов еще немного поболтал о британских обычаях – «Кухня вовсе не так плоха, как ее обычно готовят, не так ли?» – а затем внезапно спросил: «Почему Вы вчера вели себя так высокомерно? Сегодня Вы настроены намного более по-товарищески!» Гордиевский попросил прощения и объяснил, что ему было нехорошо, а подробности он не может вспомнить.

Он подумал, что лучше всего молчать о том, что некоторые «подробности» очень хорошо запечатлелись в его памяти. Буданов сказал: «Вчера Вы обвинили нас в том, что мы

возрождаем атмосферу 1937 года, времени сталинских чисток. Мы докажем Вам, что Вы не правы».

Служебная машина КГБ привезла его домой, на Ленинский проспект. Гордиевский упал на кровать. Он очень устал, но заснуть не мог. Лишь теперь он почувствовал свой страх. Он совершил огромную ошибку, вернувшись в Москву. Здесь он у них в руках. Но, очевидно, они дали ему время передохнуть. Двадцать лет назад его просто расстреляли бы даже по одному подозрению. Теперь КГБ нужны доказательства. Они надеялись на какую-то его ошибку. Если он угодил в западню, и, не желая этого, доставит им еще недостающие улики своей измены, несомненно, они его казнят. Гордиевский был прав.

Всем сотрудникам ПГУ было известно дело полковника КГБ Олега Пеньковского (неточность автора. Пеньковский был полковником ГРУ – прим. пер.), который, исходя из своих убеждений, в конце 50-х и начале 60-х годов шпионил в пользу Запада. В Лондоне его вели под псевдонимом «Алекс». в Вашингтоне – «мистер Янг». «Алекс» сообщил о намерении тогдашнего Первого секретаря ЦК КПСС Никиты Хрущева раскалить до невозможности конфронтацию вокруг Берлина и спровоцировать инциденты на дорогах, ведущих в свободную часть города. Он поставлял сведения о ракетном вооружении СССР. Он посылал внутренние аналитические сводки о действительных отношениях Москвы с «социалистическими братскими странами». Но советская

контрразведка выследила его. Верным линии партии сотрудникам давно показалось подозрительным, что товарищ полковник питает необычайную страсть к некоторым товарам с Запада. Они устроили за ним тайную слежку и доказали свои подозрения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.